

Ольга Болгова

Пять
мужчин

16+

Ольга Болгова

Пять мужчин

«Автор»

2009

Болгова О.

Пять мужчин / О. Болгова — «Автор», 2009

ISBN 978-5-532-97714-3

День рождения может стать днём испытаний не только потому, что Дине уже перевалило за тридцать. В банк, куда она зашла, чтобы снять наличные, врываются грабители. К счастью, все обошлось, но через полчаса Дина встречает в супермаркете только что арестованного в банке злодея. Или человека, очень похожего на него. Более того, его зовут также, как звали первую любовь Дины...

ISBN 978-5-532-97714-3

© Болгова О., 2009

© Автор, 2009

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Ольга Болгова

Пять мужчин

Глава 1

Я лежу на теплом парапете набережной, тень от платана прикрывает меня от нещадно палящего полуденного солнца, бриз шевелит листья, тени от них скользят по лицу, ломаясь и перекрещиваясь, отчего рябит в глазах и почему-то щекочет в носу. Босая пятка попала на солнечное пятно, и нагретый камень приятно жжёт ее. Слева неустанно шумит море, перебирая волной прибрежную гальку, справа привычными суетливыми звуками – город. Невыносимо аппетитный запах чебуреков, что продаются в двух шагах отсюда в открытом павильоне, дразнит и манит, но мне лень вставать и двигаться.

– Девушка, вам не скучно лежать здесь одной? – слышу я и, открыв глаза, вижу склонившегося надо мной жгучего брюнета, сияющего лучезарной улыбкой доки-соблазнителя.

Черт побери, я же забралась в этот укромный уголок, чтобы насладиться ленивым ничегонеделанием и ни-о-чем-недуманием.

– Не скучно и, более того, я жду Гиви, – бросаю я, напрягаясь под его изучающим взглядом и изо всех сил стараясь не показать своего смущения и раздражения.

Упоминание о неведомом не только ему, но и мне Гиви сбивает пыл навязчивого развлека-теля, и он, повздыхав на тему, что достоинства Гиви вполне могут уступать его собствен-ным достоинствам, удаляется. Покой и блаженство, тем не менее, нарушены. Спрыгиваю с парапета, надеваю шлепанцы-вьетнамки, набрасываю на плечо потрепанную полотняную сумку и, поразмыслив, куда можно податься в жаркий приморский полдень, вспоминаю, что в кинотеатре идет последний фильм известного режиссера, а в зале всегда прохладно, и иду к белому, облупленному солнцем и ветрами зданию маленького кинотеатра, пристроившемуся на набережной, рядом с наполненной вечной суетой столовой самообслуживания...

*Купалось солнце в жарком зное,
И блюзом бриз морской шептал
Нас было двое, только двое
Прибой нам что-то напевал...*

* * *

Строки наплыли, завертелись в голове... С грохотом распахивается дверь, резко возвра-щая меня из далекого южного полдня в душный зал банка, где я стою, обливаясь потом и ожидая своей очереди в кассу, чтобы снять деньги, поскольку банкоматы и терминалы дружно отказались общаться со мной, почему-то невзлюбив мою карту.

– Всем на пол и лежать!!!

Оглядываюсь и снова выпадаю из реальности: двое в натянутых на лица черных шапках с прорезями для глаз направляют в нашу сторону пистолеты.

Крупный мужчина, стоящий передо мной в очереди, начинает опускаться на пол, ухватив меня за руку и увлекая за собой.

– Второй раз... уже второй раз попадаю, – хрипло шепчет он.

Падаю на пол рядом с ним, мимо носа грохочут тяжелые ботинки, смачный мат повис в душном воздухе. «С днем рождения, дорогая...», – проносится в голове очень уместная мысль.

*Обошлось, обошлось, а дрожала струна:
Вот чуть-чуть и порвется, но случай решил,
Что еще не пора, что напрасно спешил,
Все, что будет, то будет...*

Это нервное. Под впечатлением пережитого там, в зале. Все обошлось. Кто-то успел вызвать наряд милиции, и чудесным образом все обошлось. Иду домой, не иду, а тащусь, в голове тупо крутятся недодуманные строки про струну, а перед глазами прочно, словно пристроенная на мольберте, маячит картина: мимо проводят грабителя, молодого светловолосого парня, он почему-то оборачивается и в упор смотрит на меня, и я леденею от чуть запоздалого или будущего ужаса.

«С днем рождения, дорогая», – твержу я, подходя к дверям подъезда и вспоминая, что так и не купила ни продуктов, ни вина, потому что так и не сняла деньги, а подруги все равно придут поздравлять, хотя, в народе говорят, что эту дату не стоит отмечать, есть в ней что-то не то роковое, не то несовершенное. И сегодня я убедилась в этом.

* * *

Почти удобно, насколько это возможно, если имеешь дело со старым деревянным креслом с крутящимся вокруг оси сиденьем, устраиваюсь в прохладе маленького полупустого кинозала. Медленно гаснет свет, за спиной заводит свое мерное гудение аппарат, выпуская из бойниц на задней стене поток сплавленных в луче света эмоций. Белый экран оживает цветом и звуком, увлекая в интригу давней по времени, но близкой по сути истории предательства и конформизма. Хотя, о том, что это была история предательства и конформизма, я подумала немного позже, а в тот день просто лениво смотрела фильм, следя за перипетиями сюжета, возмущаясь поступками героя и время от времени смакуя мысль о вечернем купании или позднем ужине во дворе дома, где я квартировала, в беседке, увитой виноградом, среди южной ночи, когда лампа, под старым выцветшим абажуром, очерчивая световой круг, в который рвутся ночные бабочки, крадет у ночи ее черное совершенство. Впрочем, разве я могу помнить такие подробности, да и насколько они важны сейчас?

* * *

«Совсем не важны... – останавливаюсь, тупо глядя на закодированную железную дверь подъезда. – И чем же ты собираешься угощать гостей, если таковые появятся?»

А появятся они точно, поскольку подруга Марья уже звонила с утра, выразила соболезнования по поводу круглой даты и предупредила, что отвергнуться мне не удастся, – явятся всей компанией. Звоню Николе, но у того, как обычно, отключен телефон. Давлю в себе желание нажать на кнопки кода, подняться домой и там, плюхнувшись на диван, забыться на часок-другой желанным до боли в висках сном. Разворачиваюсь и спускаюсь по ступенькам. Может быть, мою карту все-таки захочет какой-нибудь ближайший банкомат? Самое печальное, что меня с трудом несут ноги, ослабевшие после лежания на полу в зале банка, лицемерия дула пистолета и беседы с вертлявым сыщиком, который буравил меня глазами, словно подозревая в сговоре с грабителями.

С серых, как грязная вата, небес сыплется нечто мокро-мелкое, противно пропитывающее одежду, легкие и мысли, Сейчас очень бы не помешала помощь специалиста-психолога, о которой так часто говорят в репортажах, касающихся разных катаклизмов. Только вот чем этот спец мог бы помочь?

*...Все, что будет, то будет, до ноты, до дна
То ли спеть, то ль испить предстоит, а пока,
Не сломалось перо, и осталось чернил
Чтобы песню продолжить, хватило бы сил,
Пусть бы криво, но дальше тянулась строка...*

Удивительно, но банкомат в супермаркете с удовольствием слопал мою карту и выдал требуемую сумму. И стоило влипнуть в ту историю? Словно бес нашептал мне зайти сегодня в тот банк. Гроыхаю тележкой вдоль винной витрины, теряясь среди марок, сухостей и оттенков. Бутылки тянутся длинной чередой, поблескивая стеклянными боками, рисуясь разнообразием этикеток, переливаясь загадочным содержимым. «Молоко любимой женщины», «Черный рыцарь»... немыслимо...

«Красное сухое... «Д' Арго»... Испания», – читаю на серой этикетке, взяв с полки простоватого вида бутылку, наполненную густо-бордовой жидкостью. В спину упирается тележка, в которую, судя по грохоту и звону, врезалась чья-то другая.

«Извините...», – слышу мужской голос и раздраженно оборачиваюсь, готовая возмутиться его слоновьей неуклюжести, но слова застревают где-то на полпути от мысли к реализации: передо мной стоит светловолосый мужчина... тот самый грабитель из банка. «Извините», – повторяет он и откатывает в сторону свою тележку, пытаясь поправить мою, а я панически дергаюсь, бутылка выскальзывает из рук, звонко стучается об пол, рассыпается на осколки, расплескивая во все стороны содержимое, которое растекается кровавой лужей по блестящим светло-зеленым плиткам.

* * *

Позади слышится чье-то движение, грохот захлопнувшегося кресла, тихое чертыхание, затем шепот, который, кажется, обращен ко мне:

– Девушка, скажите, я очень опоздал?

На всякий случай верчу головой, чтобы убедиться нет ли поблизости какой-либо другой девушки, оборачиваюсь и задаю тактический вопрос:

– Вы ко мне обращаетесь?

– К вам, – отвечает он. – А к кому же еще...? – и разводит руками, демонстрируя пустоту кресел вокруг.

– Опоздали вы всего лишь... минут на тридцать, – бросаю я.

– Ого... и о чем там шла речь?

– Если вы думаете, что я прямо сейчас начну пересказывать вам содержание фильма, вы глубоко заблуждаетесь, – обрубая я наглеца.

– А, понял, извините, – он замолкает, и я слышу, как он откидывается на сиденье, которое трещит под его тяжестью.

* * *

Словно замороженная смотрю на растекающуюся по полу лужу. «Что случилось? Бутылку разбили... Девушка, вы не порезались? Пьяная, что ли?» – слышу голоса собравшихся вокруг зрителей. Оторвав взгляд от картины последствий моего испуга и неуклюжести, вижу нависшее надо мной лицо банковского грабителя. Он смотрит сочувственно и спрашивает, как ни в чем не бывало:

– Как это вам удалось? Я вас напугал?

Надо же... нет, не напугал, а перепугал до смерти, честно говоря. Сначала уставился там, в банке, обещая скорую и страшную расправу, и вдруг появился здесь, словно ужас, летящий во мраке ночи, непонятным образом скрывшись от правосудия. Пока собираюсь с мыслями и словами, дружной командой являются охранник, продавщица и девушка в униформе, вооруженная красным ведром, совком и лохматой шваброй, напоминающей голову Медузы-Горгоны.

– Это вы разбили бутылку? – вопрошает продавщица, обращаясь ко мне.

– Я заплачу, – стараюсь предугадать события, чтобы сократить время и интенсивность возможных пререканий, на которые у меня нет сил.

Продавщица смотрит на меня, вздыхает и начинает уже сочувственным тоном объяснять, что даже если я сделала это случайно (словно я могла сделать это нарочно), придется заплатить, потому что таковы правила, которые не она придумала (словно я пытаюсь ей возражать).

– Я заплачу за эту вашу бутылку, – вдруг заявляет светловолосый грабитель.

Вздрагиваю и реагирую резким оборонительным выпадом.

– Нет, ни в коем случае! С какой стати вы будете за меня платить?

Что ему от меня надо? Боится, что я узнала его и сдам ментам? А что мне делать в этой ситуации? Исполнить свой гражданский долг или выказать человеческое участие? И ведет он себя странно: слишком уверенно для человека в бегах. Зачем ему так светиться? Зачем предлагать заплатить за бутылку, когда проще сей же час затеряться в толпе? Может быть, он решил избавиться от меня, как от свидетеля? Сейчас расплатится, потом пойдет следом и зарежет где-нибудь в тихой подворотне.

– Я заплачу, – решительно повторяет блондин-убийца и берется за тележку, взглядом приглашая меня следовать за ним. Так я и последовала, жди...

Тем временем девушка с горгоной домывает следы моего непотребного действия, а продавщица, переводя взгляд с блондина на меня и обратно, заявляет:

– Это вино стоит тысячу двести... э-э-э... пятьдесят шесть рублей.

Внутренне ойкаю. Угораздило же меня взять и разбить именно эту бутылку, а не какой-нибудь молдавский портвейн за пару сотен. Нет, определенно правы те, кто утверждает, что настигшая меня круглая дата не приносит ничего хорошего и лучше было бы забыть о ней совсем. Смотрю на грабителя в надежде, что он, узнав цену порушенного продукта, тотчас стусуется и умчится прочь, но на лице его не трепещет ни один мускул. А собственно, почему он должен трепетать, он ведь грабитель, следовательно, деньги у него должны водиться. Хотя, учитывая сегодняшнюю неудачу в кассе, он, возможно, на мели.

– Я заплачу, и вопрос закрыт, при чем здесь вы, – решительно объявляю я, дрожа мелкой дрожью и, отважно взглянув в глаза коварному Робину Гуду, толкаю тележку в сторону кассы.

* * *

Отодвинув тяжелую потрепанную бархатистую штору, отделяющую тьму кинозала от сияющего светом дня, выхожу и невольно зажмуриваюсь от хлынувшего в лицо солнца, шума и красок приморской набережной. Предвкушая покупку огромного мясистого помидора и смачного хачапури на маленьком рынке в двух шагах отсюда, спрыгиваю с последней ступеньки крыльца кинотеатра и, неловко подвернув ногу, теряю равновесие. Чьи-то руки подхватывают меня, не давая упасть.

– Осторожно, девушка, так ведь и ногу можно сломать, – слышу голос и, вывернувшись из рук спасителя, оборачиваюсь: передо мной стоит внушительных размеров парень, кажется, именно тот, что опоздал к началу сеанса на полчаса.

– Спасибо, – говорю я и иду, прихрамывая, через выложенную розовой плиткой набережную к морю.

Оно вздыхает и мерно шумит своей необъятной массой, изоциренно играет всеми возможными оттенками от бледно-голубо-зеленого у берега до ослепительной лазури у горизонта и там, сливаясь с небесной полосой, вновь перетекает в бледно-голубой. Пляж завален ленивыми телами, мучающими себя ради эфемерного достижения – южного загара. Я не люблю загорать: слишком белая кожа, которая моментально сгорает на солнце. Бледная охра, приправленная веснушками – максимально возможное мое достижение. Прижимаюсь к парапету и стою, не в силах отвести взгляд от лениво колышущегося великана.

*Вплетаясь в синий горизонт, оно лежит, дыша истомой,
Лазурью воздух напитав, сменяя чувственным изломом,
В дрожащем мареве звенит его волна, ласкаясь к берегу,
И бриз преддверием поет его бунтующему бегу,
Когда ломая о гранит и рассытая в брызги волны,
Оно нечаянно и вдруг о бешенстве своем напомнит...*

Эти ли стихи прочитал он тогда, подойдя ко мне? Кажется, эти... Он остановился рядом, опершись на парпет, задумчиво глядя в пространство.

* * *

Расплачиваюсь у кассы, стараясь не смотреть в сторону своего оппонента и, покидав в пакет продукты, мчусь вперед, к выходу из магазина. Откуда только взялись силы? Миновав сдвинувшиеся за спиной прозрачные створки дверей, останавливаюсь и оборачиваюсь. Проклятое женское любопытство жестоко подводит меня, потому что створки расползаются вновь, выплевывая прямо мне в объятия блондина-грабителя. Он останавливается и спрашивает довольно мрачным тоном:

– А, это опять вы?

– Это опять я, и что?

– Да так, ничего... – говорит он. – Считал себя виноватым в том, что вы разбили бутылку, но, видимо, напрасно.

– Ну и правильно. Я сама виновата.

– И хорошо...

Чего же тут хорошего? Влипла по полной, как теперь отвязаться от него?

– Наверное хорошо, что вы не виноваты, а я спешу, мне некогда, – говорю и, развернувшись, ухожу.

Интересно, он идет за мной или нет? Желание обернуться и проверить становится просто невыносимым, но я шагаю вперед, до тошноты влевая, целеустремленная и перепуганная. Не станет же он нападать на меня на людной улице. И почему я решила, что это именно тот парень из банка? Возможно, он просто-напросто похож на него? Ведь того я толком и не разглядела, будучи в неадекватном состоянии. Мало ли на свете похожих людей? Как он мог попасть в наш район, в наш супермаркет, если пару часов назад его вели под руки бравые защитники порядка? Осторожно оборачиваюсь и, не обнаружив за спиной никакого преследования со стороны опасного блондина, ругаю себя за тупость и трусость последними словами. В унисон моим проклятиям запекает сотовый. Нахожу его на дне сумочки. Надо же, Никола! «Мутер, еще раз поздравляю... извини, но буду позже, не скучай...». Вот так. Все меня покинули. И сын и... грабитель. Иду домой, чувствуя странное разочарование.

* * *

Он стоит рядом, смотрит в морские дали.

– Чьи это стихи? – спрашиваю я.

– Мои... – коротко бросает он.

У него темные глаза, не очень бритые щеки и загар, которому можно позавидовать.

– Гм-м-м... – мычу я, не зная как реагировать на его заявление о способности писать стихи.

– Слушайте, девушка, – говорит он вдруг, взъерошив и без того лохматые кудри, – не хотите выпить со мной?

Ветер с моря усиливается, тягучая светящаяся поверхность покрывается рябью и мутнеет, солнечный диск стыдливо прячется за приплывшую невесть откуда пыльную серую тучу.

– Не хочу...

Интересно, неужели я выгляжу так, что мне можно с ходу предложить пойти выпить? И почему именно выпить? Хотя, мой наряд – бесформенная майка и потрепанные, обрезанные до колен джинсы – явно располагает к подобным предложениям.

– Напрасно, а мы могли бы обсудить только что просмотренный, весьма глубокомысленный фильм. Почему нет? Не беспокойтесь. Я безопасен и невинен аки агнец.

Рассматриваю агнца внимательней, пользуясь полученным карт-бланшем. К темным глазам, нечесаным кудрям и загару прикладываются приличный рост, широта в плечах, шорты и выцветшая футболка. Вполне вписывается в мой стиль.

– А почему вы вообще решили, что я пойду с вами, тем более, выпивать?

– Не решил, а предположил, – отвечает он, снова уставившись в морские дали, словно ему все равно, соглашусь я на его наглое предложение или нет.

– И кроме того, вы так мило обломали меня в кинозале, – добавляет он после паузы, незаполненной моим ответом.

Хмыкаю, отворачиваюсь от него и наблюдаю, как поднявшийся ветер несет по пляжу пестрый зонтик, за ним бежит полная женщина в цветастом, под стать зонту, купальнике, смешино размахивая руками. Народ начинает спешно скручивать коврики, покрывала и лежаки.

– Пойдемте, – говорит мой нечаянный собеседник и улыбается.

Лицо его от улыбки становится доверчиво-мальчишеским.

– Я знаю здесь поблизости очень неплохое местечко. Там, кстати, готовят вполне приличный кофе.

Потерев нос, облупившийся, несмотря на все старания по его спасению, со всей дури вдруг соглашаюсь. Когда мы добираемся до разрекламированного лохматым верзилкой заведения, капли дождя уже шуришат в листве платанов, стучат по плиткам набережной и по парапету, оставляя на нем темные влажные пятна.

*Подхвачен ветром пестрый зонтик,
Как парус без руля и судна,
Набух дождями горизонт,
А мы смеялись безрассудно*

*И пили кислое вино,
Болтали, вольные до дури,
Казалось, было все равно,*

В словах, как в море, мы тонули.

*Слова не значили ничуть,
Они стекали, словно лава,
Их дождь смывал, шепча лукаво:
«И будь, что будет, как-нибудь».*

* * *

Вроде бы все готово. Осматриваю кухонный стол, заставленный вазочками с салатами. На плите в сотейнике курица. Толстый черный кот по имени Черный по обыкновению бродит под ногами, требовательным мяуканьем напоминая о своем голодном и холодном существовании. Позвонила Марье и попросила купить по дороге вина, на что подруга возмущенно ответила, что без зелья они и не собирались приходить. Можно присесть и выпить чашку чаю, чтобы прийти в себя и хоть немного успокоиться после сегодняшних катаклизмов. Открываю кран, ставлю под струю воды чайник и чувствую запах горелой ткани. О, черт, я же включала утюг, чтобы погладить блузку, которую собралась надеть! Набрав скорость, влетаю в комнату, – над гладильной доской зловеще струится дым! Выдернув шнур из розетки, хватаю утюг и вижу тлеющее по краям отверстие на некогда белом в цветочек чехле! Поистине, хочешь получить набор неприятностей в одной упаковке, доживи до сорока! Убрав следы своей забывчивости, решаю, что никакую блузку ни гладить, ни надевать не буду, и достаю из шкафа любимое старомодное серое платье, украшенное кружевной вставкой. Разложив его на диване, расправляю кружево, выющее тонкими плетешками, колечками и вензелями. Это – работа моей бабушки. Кружево долго лежало в старой шкатулке среди обрезков ткани, каймы, витков мулине и прочих мелочей, пока мне не пришлось в голову приладить его к платью. Вспоминаю бабушку и становится грустно, но едва начинаю грустить, как звонок телефона возвращает в сегодняшний день.

– Дщерь, – говорит в трубку отец. – С утра не дозвонился, поздравляю, дорогая моя, дата у тебя хорошая, основательная.

– Спасибо, папа, – отвечаю я.

Знал бы он, насколько хороша эта дата...

Отец объясняет, что явиться не сможет, потому что опять разболелась нога, и решительно отвергает мое предложение бросить все и приехать к нему:

– Не надо, дщерь, я жив, здоров, а нога – это нога... полечу, пройдет. Подарок за мной, если сможешь, подъезжай на днях, или я до тебя доберусь. Никола дома?

– Нет, конечно, обещал прибыть позднее.

Распроставшись с родителем, усаживаюсь перед зеркалом, чтобы привести хотя бы в относительный порядок усталую, покрасневшую личину. Несколько штрихов, чуть темнее ресницы, чуть поправить изгиб бровей, чуть ярче губы и кажется, что я не настолько... зрелая и даже где-то молодая. Платье и туфли на высоких каблуках стройнят и поднимают настроение. В конце концов, все не так уж и плохо: ограбление обошлось без стрельбы, разбитие бутылки – без эксцессов, не считая небольшого стресса и нескольких капель вина, попавших на пальто, грабитель или похожий на него тип удалился, а курица получилась вполне съедобной. Поправляю челку, поворачиваюсь на каблуках и слышу звонок в дверь. Уже прибыли гости? Лечу в прихожую, открываю дверь в боевой готовности ответить радостью на приветствия верных друзей и замираю с открытым ртом: передо мной стоит сегодняшний знакомец – светловолосый грабитель. Сердце летит в сторону пяток, в животе начинают ворочаться сосульки, дрожат

коленки. Но, кажется, он удивлен не меньше, потому что смотрит на меня так, словно увидел привидение.

– Что вам от меня надо?! – прихожу в себя и перехожу в наступление.

– Мне? От вас? Да вы... заливаете квартиру под вами, мадам! – восклицает он. – Что вы там с водой делаете?

С водой? О, черт, черт, черт! Я же поставила под кран чайник минут ...дцать назад! Очертя голову несусь на кухню, вода хлещет через край раковины, по полу движется поток, угрожающе стремясь за пределы кухни.

* * *

Мы пьем кислое вино, сидя на балконе-веранде, что окружает второй этаж старого дома, прилепившегося к скале, словно огромное неуклюжее выстроенное ласточкино гнездо. Дождь почти прошел, солнечные лучи льются сквозь расплзающиеся тучи, отражаются в каплях на мокрых пятнистых листьях хедеры, гирляндами оплетающей деревянные колонны веранды. Вертлявый белобрысый мальчишка за соседним столиком смахивает на пол бутылку вина. Его родители дружно ахают, бутылка гулко ударяется о половицы и катится, оставляя за собой густой малиновый след. Запахи кофе и водорослей, сладкий аромат цветов и вина сплетаются в еще влажном воздухе. Колоритная уборщица, ворча, затирает лужу, а море внизу перед нами, вырвавшись из мутной дождевой пелены, снова искрится безбрежной переменчивой синевой. Мы уже обсудили фильм, поговорили о кино вообще и в частности, он читает стихи, подливает вино, его зовут Стасом, ему двадцать пять лет, он философ по образованию и, кажется, по сути. Здесь, в городке, живет его тетушка, которую он приехал навестить, а заодно покупаться и насладиться прелестями приморского августа.

То ли от вина, то ли от собственной глупости, но мне легко с ним. Я слушаю его болтовню, глотаю комплименты своим веснушкам, восхищаюсь стихами, что льются из него потоком, и кажется, пьяно влюбляюсь в его умные насмешливые глаза и пылкое красноречие.

Мы уходим вместе, спускаемся по скрипучей деревянной лестнице, у которой не хватает ступенек, бредем по улочке, спускающейся к морю, любясь, как над миром повисает эфемерное буйство радуги.

*Спускаться по старым ступеням,
Сбиваясь со счета и мыслей,
Теряться в причудливой тени
Плюща, что сплетеньями листьев
Опутал и чувства, и стены,
И видеть, как радуга виснет
Над морем и миром степенно
Цветастой дугой-коромыслом.
Вдыхать соль и солнечность моря,
И пробовать кофе глотками,
Губами касаясь фарфора,
И тщетно пытаться руками
Объять необъятые простора.*

* * *

В первые секунды теряюсь, не в силах принять решение. Блондин, шлепая по воде комнатными тапками, прорывается к крану и заворачивает его.

– Что вы застыли, как мумия? – кричит он. – Тащите ведро, тряпку, что у вас там есть!?

Прихожу в себя, мчусь за орудиями спасения... ведро, тряпка, совок... на ходу скидываю туфли и бегу на кухню. После пары столкновений и обмена любезностями мы с блондином превращаемся в дружных напарников по сбору вырвавшейся на волю воды. Наконец пол протерт насухо, ведро с атрибутами водворено на место. Стою посреди кухни, вздыхая по поводу свершившегося бедствия и своей порушенной красоты. Черный сидит на табуретке и жалобно мяукает.

– Не мог сообщить? – сердито спрашиваю кота. Тот замолкает и отворачивается с обиженным видом, словно говоря: «Что вы от меня хотите? Я всего лишь кот...»

– Спасибо, – говорю блондину сорвавшимся на хрип голосом.

– Не за что, – отвечает он, тоже хрипло.

Совместный труд спаял нас и настроил на мирный лад.

– Я очень вас залила?

– Не очень, но вода начала капать на кухонный стол.

– Простите, я отвлеклась, все компенсирую... – начинаю оправдываться я.

– Не слишком ли много у вас компенсаций на сегодня? – обрывает он меня. – Так и разориться можно.

Умолкаю, вспомнив, что он, возможно, грабитель и опасен. И живет в квартире этажом ниже. Почему же никогда его не встречала? Хотя, всех ли своих соседей я знаю?

– Никак не ожидал увидеть вас, когда поднимался сюда, – говорит он.

– А я, думаете, ожидала увидеть вас?

– Думаю, нет.

– Вы живете под нами? – интересуюсь я.

– Нет, там живут мои родители. Приехал к ним, у меня небольшой отпуск.

Вот, значит, как. Теперь понятно. Приехал к родителям и решил ограбить банк.

– А-а-а... – тяну я, придумывая, что сказать.

– А у вас, кажется, праздник намечается... – наблюдательно замечает он, кивая в сторону заставленного салатами стола.

– Да, знаете, гости придут, – неопределенно отвечаю я.

– Пойду, – говорит он.

– Спасибо за помощь.

– Не за что.

Прощаемся почти как добрые знакомые. У двери в прихожей решаюсь задать волнующий меня вопрос, попытавшись сформулировать его по-дипломатичней:

– Простите, не удивляйтесь, но хочу вас спросить: где вы были сегодня в два часа дня?

Он смотрит на меня удивленно.

– В два часа? А что вас интересует?

– Просто ответьте.

– Гм-м-м... Дома был, обедал с родителями. А что?

Значит, у него есть алиби. И он не очень похож на того парня из банка. Он даже, кажется, моложе. Сколько ему, интересно? Лет двадцать... Додумать мысль не успеваю, потому что звонят в дверь.

* * *

Южная ночь живет своей особой жизнью под усыпанными звездной пылью небесами, она наполнена пением цикад, огоньками светлячков, внезапно появляющихся откуда-то из черноты, запахами и шорохами, музыкой, долетающей из бара на пляже. Мы спускаемся к морю, которое дышит и шуришит, перебирая гальку. Фонарь, притулившийся на лестнице, вырывает из мрака качающуюся от легкого ветерка цветущую ветку, очерчивает на каменных ступенях круг света, который постепенно стирает темнота.

– Ты купаешься вечером? – неосторожно спросила я Стаса, когда мы бродили с ним по закоулкам парка-дендрария.

– Буквально каждый вечер, – заявил он. – А ты?

– И я тоже...

Мы обнаружили множество сходных привычек: свиное стремление не спать по ночам и нежелание вставать по утрам, чтение всего без разбора и неприязнь к вынужденной деятельности. Сейчас мы спускаемся к морю, потому что, как выяснилось, оба любим ночные купания и, следовательно, имеем, как объявил Стас, авантюрные нотки в характере.

Галька уже почти остыла, отдала ночи остатки солнечного тепла. Море в темноте кажется бездонно-безбрежным, слившись воедино с далеким горизонтом в живую кольящую массу. Звуки его в тишине особо отчетливы и немножко жутковаты. Я стаскиваю джинсы, стягиваю майку, вешаю одежду на перекладину железного пляжного зонтика и, скрутив волосы в пучок на затылке, ступаю в волну. Несколько шагов вперед в глубину, мурашки бегут по телу, обгоняя друг друга, вдох, оханье, и я окунаюсь в первый момент кажущуюся холодной, а чуть погодя, теплой и ласковой воду. Страшно и великолепно плыть в темноте навстречу пугающей и влекущей неизвестности, иногда оборачиваясь на смутный в полумраке пляж. Ложусь на спину, раскинув на волне руки, и погружаюсь в жутковато бездонное отточенное звездами небо. За спиной слышу шум и всплески, Стас догоняет меня резкими саженками, уходит вперед, затем останавливается, машет рукой, ожидая.

*Ты лежишь, раскинув руки и качаясь на волне,
Ни печали, ни разлуки, только ночь, и в тишине
Море светится, мерцая, исчезая в черноте,
Там, где звезды в водах тают, словно краски на холсте,
Кистью быстрой и небрежной нанесенные вразлет,
И покой душе мятежной бездна черная несет.
А волна, тепла, опасна, и коварна, и вольна,
В наготы своей прекрасна, в нежности своей страшна,
Под тобой небес глубины, над тобою океан,
И манишь, зовешь, ундина, в золотых волос капкан...*

* * *

Открываю дверь и меня уносит водоворотом восторгов, поздравлений и объятий. Пришли любимые гости: Марья с мужем Григорием и Варвара, без мужа, поскольку ее уважаемый супруг никогда не ходит в гости без особой надобности, а я особой надобностью для него не являюсь. Собрав букеты и подарки, вспоминаю, что встречаю гостей почти босиком в помятом платье и погибших в катаклизме колготках. Порываюсь временно ретироваться в

комнату, чтобы привести себя в порядок, и взгляд мой падает на светловолосого напарника, который, в свою очередь, пытается прорваться к выходу.

– Дина, – шепчет Марья, – это кто?

– Это? Сосед снизу... я его залила.

– Когда успела, кудесница ты наша?

– Вот прямо сейчас. Поставила чайник под кран и отвлеклась.

– А он очень даже ничего.

– Марья, ты о чем? Ты когда угомонишься? Да он моложе меня раза... в два.

– В два? Это ты погорячилась.

Неуместный наш разговор прерывается репликой блондина, которому все-таки удалось прорваться к двери.

– До свидания... я пойду.

– Да... до свидания, извините еще раз, – отвечаю я, отпихиваясь от кулака Марьи, впивающегося ударом мне в бок.

– Пригласи его, – шипит она мне на ухо. – Не будь душой! Зачем? – отвечаю ей тем же шипением. – Буду душой, если приглашу!

Кажется, наши маневры не остаются незамеченными.

– Подождите...э-э-э... простите, не знаю, как вас зовут! – кричит Марья, и я с тоской предвкушаю, как сейчас на мою голову свалится разом и стыд, и позор.

– Вы меня? Станислав, – отвечает блондин, обернувшись в проеме двери.

Как?! Предательский холодок разливается где-то в районе желудка. Там душа базируется, что ли? И почему это имя вызывает у меня такую реакцию? До сих пор...

– Оставайтесь... Станислав, – словно со стороны слышу свой голос.

«Останься, Стас...о, черт, черт, черт!»

– Но мне как-то неудобно, я ни с кем не знаком, – мнется он.

– Познакомимся, – вступает Марья.

– Но я... мне нужно переодеться, – говорит Станислав и бросает взгляд на свои мокрые тапки, а потом на меня.

Кажется, он совсем не прочь остаться. С чего бы это? А вдруг он все-таки тот бандит из банка?

– Так идите переоденьтесь, – говорю я.

Не дожидаясь его реакции, разворачиваюсь и удаляюсь в комнату, чтобы сложить подарки, найти вазу для цветов, переодеть колготки и привести в порядок странно и не вовремя всколыхнувшиеся чувства. «Девичьи чувства, между прочим, а ты далеко не девушка, дорогая, не забывай об этом», – твержу себе, натягивая новые колготки. Достая из шкафа высокую керамическую вазу собственного изготовления и опускаюсь на диван, снова чувствуя странную слабость в ногах. Ну и денек! В дверь уже ломится неугомонная Марья:

– Уф, ты долго еще? И чего это ты расселась? Гости ждут, голодные, между прочим!

– У меня сегодня совершенно сумасшедший день! – срываюсь я. – Меня чуть не убили, потом этот потоп, и бутылку разбила в магазине!

Где-то близко, совсем близко слезы. Надо же до чего дошло, давным-давно не плакала, но не сейчас же этим заниматься.

Марья удивленно смотрит на меня, потом машет рукой:

– Ладно... успокойся, после расскажешь, а сейчас пошли, народ ждет.

Станислав, как ни странно, вернулся, переодевшись и притащив с собой творение – шар, сделанный из медной проволоки, внутри которого прилажена подставка для свечи.

– Это подсвечник, – объясняет он. – Может, имениннице не очень понравится, но...

– ...важен не подарок, а внимание, – Марья блистает мудростью и оригинальностью.

– Спасибо, Стас... нислав, – говорю я. – Мне очень нравится, но вам не стоило беспокоиться и это, наверно, дорогая вещь...

– Нет, недорогая, я сам ее сделал, – отвечает Станислав.

Празднование течет своим чередом, правда, наличие нового и незнакомого человека направляет его немного в иное, чем обычно, русло: девушки быстро переключаются с именинницы, – к великой ее радости, – на свежего молодого мужчину вполне симпатичной наружности и забрасывают его вопросами, пытаясь выяснить всю подноготную и суть мировоззрения. После дамского дипломатически-артиллерийского обстрела Станислав признается, что ему двадцать восемь, – «Ого, какой прекрасный возраст!» – восклицают мои подруги – что он специалист по сетям связи и прочим сетям, – «Какая у вас актуальная профессия!» – что он много ездит и по стране и за ее пределами, – «Ах, мужчина-путешественник, это звучит гордо!» – что приехал он на пару недель в отпуск, – «И чем вы собираетесь заняться?» – что он холост, – «Ох, ничего себе, такие люди и без охраны!».

В конце концов тащу разгулявшихся подруг покурить на кухню, оставив мужчин побеседовать между собой, и пытаюсь напомнить дамам, что они уже не юные девушки с перспективами, а зрелые замужние женщины, которым Станислав годится скорей в сыновья, чем для флирта.

– Ну, положим, рожать в двенадцать лет рановато? – задумчиво тянет язва-Марья. – А пофлиртовать с молодым симпатичным мужиком всегда приятно и полезно для здоровья, между прочим. Да, Черный? – обращается она к коту, который с отвращением взирает на наше буйство, пристроившись на спинке кресла.

– Вот именно, – поддерживает ее Варя вместо молчаливого Черного.

– Дина, делись, что там с тобой сегодня произошло, – требует Марья, и я, под вздохи и охи подруг, начинаю свое повествование, ловя себя на мысли, что в нем неизбежно возникнет образ вездесуще-сегодняшнего Станислава.

* * *

Как это все происходит и почему? Отчего шум моря заставляет дрожать какую-то внутреннюю струну, которой на самом деле вовсе и не существует, да и шум моря – всего лишь движение воды и шуршание трущейся округлыми боками гальки. Полсутки назад я и не подозревала о существовании мужчины, который сейчас обнимает меня. Я дрожу от прикосновений его рук и губ, от ночной прохлады, оттого, что я невинная и неискушенная, да еще и мокрая, оттого, что мне страшно, и страшно хочется продолжения того, что началось так неожиданно и случайно, оттого, что это банальный курортный романчик, и оттого, что, открыв глаза, традиционно смущенно закрывшись на время поцелуя, вижу над собой сумасшествие звездного неба. Неужели все и произойдет со мной вот так, на берегу ночного моря, на пляжной гальке, с читающим стихи незнакомым парнем, о существовании которого я не подозревала полсутки назад, как, впрочем, и он о моем?

*В тишине, где тьма, как вечность,
Обнимать тебя, забывшись,
Обнаженно и беспечно
В коконе ночном укрывшись.
И соленой кожи свежесть
Пробовать на вкус губами,
Все отдать за безмятежность,
Что коснулась нас крылами.
Не вином, а теплым бризом*

*Упиваться до забвенья,
Быть рабом твоих капризов,
Чтоб украсть твое смятенье.
Подарить тебе безбрежность,
Ту, что ты совсем не хочешь,
Обменять игру на нежность,
Что таится в чаще ночи.
Ждать, когда морской ундиной
Ты вольешься в мои руки.
Стать покорным господином
Хоть на миг, назло разлуке.*

* * *

Из прихожей слышится звук отпираемой двери, что-то падает. Черный срывается с кресла и ловко, несмотря на внушительные размеры, проскальзывает в неплотно закрытую дверь кухни. «Николка пришел», – спешу следом за котом.

Сын, сняв куртку, встряхивает темными кудрями и, наклонившись ко мне, чмокает в щеку.

– Мутер, поздравляю с днюхой... и все такое...

– Никола, ты мог бы поздравить свою немолодую мать более литературно?

– Мог бы, но уже поздравил, не литературно. Держи подарок.

Он протягивает коробочку, перетянутую трогательной розовой ленточкой с бантиком.

– Спасибо, а бантик сам завязывал? – не могу удержаться от подколки.

– Нет, мутер, бантики я принципиально завязывать не умею, поэтому попросил особу твоего пола.

– Что за особа? – интересуюсь я, открывая коробку, в которой таится другая, пухлая сиреневая, а в ней – тоненькое серебряное колечко. От волнения забываю про упомянутую особу своего пола.

– Коленька... – сейчас разревусь в голос.

– Мам... ну ты что, мам... да не переживай ты так, не надо.

Сын смущенно улыбается, ерошит и без того лохматые волосы, которые мне ужасно хочется причесать. Беру себя в руки, вытягиваюсь на цыпочки и пытаюсь пригладить его непокорные кудри. Он трясет головой и отбивается.

– Дорогое же, наверно...

– Отстань, мутер.

– О, вот и Никола! И где тебя носит в материнские именины? – Марья вливается в наш сентиментальный дуэт. – Что матери подарил, обалдуй?

– Вот, посмотри, – гордо демонстрирую сыновний подарок.

– Ого! – оценивает Марья. – Талантливый парень. А я всегда говорила, что из Никола будет толк.

– Марья Иванна, вы одна меня понимаете, – весело подхватывает Никола, блестя темными глазами.

– Здравствуй, Коленька, – говорит появившаяся из кухни Варвара.

Марья порывается еще что-то добавить, но я в эйфорическом состоянии от появления и подарка сына, тащу их всех в комнату. Мужчины обмениваются традиционными рукопожатиями, Никола вопросительно взглядывает на Станислава.

– Это наш... то есть, сын наших соседей сверху, – объясняю в очередной раз. – Я их сегодня залила, а Станислав помог справиться с потопом.

– Снизу, – поправляет последний.

– А, понятно. Сильно залила? Требуется совещание сторон по вопросу ликвидации последствий? – вопрошает Никола.

– Думаю, все обойдется мирными переговорами, – отвечает Станислав, ловко попав в Колькин стиль.

«Отлично, Стас», – почему-то меня радует его умение парировать.

Сын усаживается за стол, подруги бросаются кормить его, а я растекаюсь морально и физически, с удовольствием наблюдая, как Никола с аппетитом поглощает закуски, нахально запивая их вином. Вполне самостоятельный мальчик. И невероятно наглый.

Гости разошлись. Никола уходит в интернет, а я, вымыв посуду и убрав праздничные последствия, отправляюсь совершать вечерние процедуры, мечтая об одном: поскорее добраться до подушки. Любуюсь на свою усталую умытую физиономию, размазывая по щекам крем, и вспоминаю, как Станислав, уходя сегодня, остановился в дверях, посмотрел на меня, как будто что-то хотел сказать, потом развернулся и ушел. Или это показалось от усталости и нетрезвости? Вдруг явственно ощущаю совершенно неуместное желание, чтобы он сейчас подошел ко мне и...

«Стоп! – говорю я себе. – Что за бредовые мысли? С чего это тебя вдруг развезло? И к тому же ты, кажется, намазалась не ночным, а дневным кремом. О, черт, черт, черт!»

Глава 2

Это происходило на грани сумасшествия – мы выпали из мира и погрузились в свой собственный, не менее реальный, наполненный тем же солнцем, теми же взлетающими к небу конусами кипарисов, пятнистыми разлапистыми платанами, тенистыми улочками, тонущими в виноградных гроздьях, неожиданными теплыми дождями, ночными купаниями, сухим вином и прожиганием жизни. Мы целовались в каждом укромном уголке, который попадался в наших бездумных скитаниях, хотя, вскоре мы утратили всякое чувство неловкости, целуясь направо там, где нас внезапно настигало желание почувствовать друг друга. Близость неумно влекла нас после той ночи на пляже, когда все вышло так случайно и бесшабашно, бездумно и отчаянно. Я рассталась со своей девственностью легко и даже со страстью, которую вызвали скорее ночь и море, чем сам неведомый до сей поры процесс. Но об этом я подумала много позже, а тогда я просто отдавалась томлению, которое становилось просто невыносимым, под властью сильного мужского тела, принадлежащего очаровательному лохматому поэту. А дальше... дальше мы каждый день искали убежища, чтобы предаваться становящемуся с каждым разом все более желанным греху, бездумно, со всем пылом молодости, которая не задумывается о последствиях, а просто живет и пьет жизнь, захлебываясь ею. Море, коварное море околдовало и одурманило, словно огромный кальян, источающий любовный опиум сводящей с ума коварной игры красок, пения волн и сиюминутной смены настроений. Напрасно его называют колыбелью, нет, это скорее ложе страсти, чем невинного младенца.

*Судьба разыгрывает сцены
Из-за кулис,
Мы для нее лишь суть арены
И чистый лист.
Фигур путей переплетенья,
Как на доске,
Все наши страсти и сомненья
В ее руке.
То в дар швырнет нам чары ночи
И сладость губ,
То вновь ее туманны очи
И голос груб...
Едва взлетев над бранным миром,
Мы камнем вниз,
Амур становится Сатиром —
Каков сюрприз.
И прочь уносятся мгновенья,
Ночь коротка,
Не уловить сего круженья,
Дрожит рука.
Но мы назло слепому року,
Открыв глаза,
Отбросим вздохи и упреки,
Ведь путь назад
Для нас забыт, и бесшабашным
Сплетеньем тел*

*Глотаем жизнь и пьем бесстрашно
Мы свой удел.*

* * *

Мне казалось, что засну мгновенно, едва коснувшись подушки, но ничего подобного не произошло: долго лежу, ворочаюсь, встаю, иду на кухню, чтобы выпить воды, и снова ложусь; дурные и не очень мысли лезут в голову; затем с ревом является изгнанный Николой за какие-то прегрешения Черный и долго бродит по мне, выбирая местечко поудобней, наконец устраивается где-то в средней части и заводит знойную журчащую котовью песнь блаженства. Под нее засыпаю и вижу совершенно бесстыдный эротический сон с участием неведомого мужчины, лица которого не могу разглядеть.

С утра отправляюсь на работу, в то время как Никола и Черный, предательски покинувший меня ночью, смачно спят. Сын вяло реагирует на попытки разбудить его, буркнув, что у него нет первой пары, а кот лениво зевает и потягивается, демонстрируя белый пушистый живот.

Толкаю тяжелую дверь и вхожу в мастерскую – большое, наполненное стеллажами, заготовками, чанами и гончарными кругами помещение. С утра здесь пусто, прохладно и почти тихо, лишь в соседней комнате гудят печи для обжига. Урчит привод гончарного круга, за которым уже восседает коллега, Андрей Болотов. Три года назад он открыл эту мастерскую, перетащив сюда своих однокашников-скульпторов по училищу, в том числе, и меня. Мастерская, пережив период трудного становления, неожиданно расцвела и даже стала приносить, пусть и скромные, доходы. У нас появились постоянные заказчики. Последним нашим достижением явилась организация экскурсий «К гончару», которые приобрели популярность – желающих сесть за гончарный круг и приобщиться к таинству создания сосуда из бесформенного куса глины оказалось более чем достаточно. Видимо, в каждом человеке, от ребенка до старика, живет, пусть иногда и глубоко скрытая, но вечная тяга к творчеству. Впрочем, сейчас нужно заняться банальным заказом и слепить несколько чайных сервизов в ирландском стиле для ресторана «Айриш», а после обеда ожидается плановая экскурсия, которую сегодня предстоит встречать мне. Обвязавшись длинным холщовым фартуком, устраиваюсь за своим гончарным кругом, беру кусок беложгущейся глины, леплю из нее шар, кидаю его на круг, и, закрепив, включаю привод. Глина влажно и мягко покоряется моим рукам, превращаясь сначала в конус, который плавно перетекает в сферу, словно танцуя на быстро вращающемся круге. Я люблю своё дело, здесь всё в моей власти, и кусок глины – материя праха, вновь обретающая плоть – покорен и подчинен лишь мне и моей фантазии.

*Дивлюсь тебе, гончар, что ты имеешь дух,
Мяшь глину, бить, давать ей оплеух,
Ведь этот влажный прах трепещущей был плотью
Покуда жизненный огонь в нем не потух.¹*

Впрочем, мне нужно выполнить заказ...

¹ Омар Хайям

* * *

Мы бродили по городу, поднимались в горы, прятались в чащобах парка, мятежно искали места, где могли обнимать друг друга без опасения быть обнаруженными. Пляж был хорош, но галька не слишком способствовала нашей пылкости. Парк обладал укромными уголками, но и в нем трудно было уединиться, ведь эти укромные уголки были доступны не только нам. А потом зарядили дожди, теплые, но обильные и долгие. Тетушка Стаса жила в однокомнатной квартире и, будучи дамой преклонного возраста и внушительных объемов, нечестно отлучалась из дома. Со мной в комнате жила соседка, которая в один прекрасный день собрала вещи и уехала, поскольку время ее отдыха истекло, и мы решили воспользоваться этим моментом.

На второй этаж частного дома, где я жила, подняться можно было по лестнице, устроенной в центре кухни, где до поздней ночи кипит жизнь. Мы бродим по окрестным улочкам, дожидаясь, когда хозяева и постояльцы угомонятся и разойдутся. Наконец в доме все стихает, и мы пробираемся во дворик, освещенный тусклым фонарем, свет его вырывает из южной тьмы лишь заплату выложенной плиткой дорожки да ветку абрикоса, покачивающуюся от легкого ночного ветерка. Лениво гавкает хозяйский пес и затихает, видимо, решив, что выбираться из конуры в такую темень себе дороже. Мы осторожно открываем дверь, что ведет на кухню, занимающую добрую половину первого этажа и, стараясь не волновать вечно скрипящие ступеньки, пробираемся на второй. Не включая свет, забираемся в узкую кровать, стараясь делать все шепотом, насколько это возможно в нашем состоянии.

*Жизнь гончарным вращалась кругом,
Мы ее из глины лепили,
И на миг становились друг другом
Там, где боги пути торили.
Мы скрывались в тенях и чащах —
Ты и я, ты была ундиной
Иль красоткой с этрусской чаши,
Золотую загадкой Диной.
Нежной кожи твоей прозрачной
Я рабом становился бранным,
Целый мир ничего не значил, —
Ты одною вращалась вселенной,
На гончарном кругу, из праха
Превращаясь в сосуд звенящий,
Мы из глины, не зная страха,
Жизнь лепили в тот миг парящий.*

* * *

Покой мастерской нарушается гулом голосов: явились экскурсанты. Они двигаются вдоль стеллажей, на которых рядами выставлены уже готовые, обожженные, и еще сырые, ждущие своей очереди изделия – кухонная утварь, сервизы, корчаги, кувшины, вазы, горшки, глиняные фигурки. Марина, наша юная многостаночница, совмещающая в одном лице экскурсовода, секретаря, курьера и очередную подругу жизни неугомонного Андрея Болотова, хорошо поставленным голосом вещает:

– Обратите внимание на эти прекрасные крынки и корчаги, выполненные по древнерусской технологии молочного обжига. Что такое молочный обжиг? Это древний способ придать гончарному изделию красивый декоративный вид и сделать его водонепроницаемым. Осуществляется он очень просто. После первого утельного обжига керамики ее опускают в молоко, а затем нагревают до...

«... 350-ти градусов», – мысленно заканчиваю Маринину фразу, утонувшую в вопросе, заданном каким-то нетерпеливым экскурсантом. Сейчас кто-нибудь обязательно спросит, много ли молока мы переводим для того, чтобы осуществить этот процесс.

Осматриваю свое рабочее место, достаю украдкой зеркальце, чтобы взглянуть на себя перед тем, как выступить в роли мастера, приобщающего народ к древнему искусству гончарства. По возможности стараюсь избегать участия в подобных мероприятиях, но сегодня коллеги разбежались по делам, и волей-неволей эту обузу пришлось взять на себя.

Группа приближается, и вскоре я оказываюсь в окружении десятка человек, разглядывающих меня и гончарный круг, как нечто диковинное. С удовольствием отмечаю, что добрая половина группы – дети, с ними всегда проще и интереснее.

– Здравствуйте, – слышу голос откуда-то слева и, обернувшись, чуть не падаю со своего узкого высокого сидения, потому что передо мной стоит не кто иной, как вездесущий блондин-грабитель-специалист-по-связи-сын-соседей-сверху Станислав. В его внезапных появлениях есть нечто фатальное.

– Здравствуйте, – после паузы, потребовавшейся, чтобы прийти в себя и обрести дар речи, отвечаю я и довольно грубо добавляю:

– А сюда-то вы как попали?

– Совершенно случайно, с братом... давно обещал ему совместный поход по городу, вот проходили мимо, он меня и затащил, – говорит Станислав, тоже после некоторой паузы, и показывает на светловолосого мальчишку лет двенадцати, стоящего в первом ряду.

Кажется, встречала его во дворе.

– По правде говоря, совершенно не ожидал увидеть вас здесь. Удивили. Вы здесь работаете?

– Как видите.

Марина объявляет, что сейчас каждый желающий с помощью специалиста сможет вылепить себе изделие любой желаемой формы.

– Извините, Стас... нислав, мне нужно работать, – говорю я и поворачиваюсь к потенциальным гончарам-любителям, пристроив улыбку на лицо.

Первым желающим оказывается брат Станислава, который с энтузиазмом карабкается на табурет. Приступаю к процессу. Брата по очереди сменяет вся ребячья компания; после детей, восторженно и осторожно держащих горшочки и кувшинчики, изготовленные своими руками, на табуретку взбирается полнокровный мужчина в годах. С такими особенно трудно: при неуверенности движений, они все же пытаются тянуть одеяло, то есть глину, на себя. Наконец Марина командной рукой завершает представление и ведет экскурсантов дальше, к керамическим каминам, которые недавно начали изготавливать в нашей мастерской. Группа удаляется, а передо мной остается стоять пресловутый Станислав. Вопросительно смотрю на него:

– Хотите приобщиться?

– Если можно, да.

Он дожидался, когда все удалятся на безопасное расстояние? Что этому мальчику нужно?

– Ну что ж, садитесь.

– Мне правда, интересно, – оправдывается Станислав.

– Не сомневаюсь... надевайте фартук.

Станислав облачается в фартук, забирается на табурет, я подаю ему кусок глины и показываю, с чего начинать.

– Лепите шар и бросайте на круг, нужно попасть в центр. Все время смачивайте руки водой.

– Знаете, всегда мечтал сесть за гончарный круг.

Надо же, всегда мечтал...

Станислав лепит шар и довольно ловко прилаживает его на нужное место, я включаю привод.

– Сейчас попробуем вылепить конус, вы будете лепить, а я вас направлю.

Он неловко хватается за кусок глины, круг быстро вращается, глина мнется, деформируется под его руками. Беру его руки в свои и начинаю направлять движение.

– Как у вас ловко получается, – говорит он. – У вас такие сильные руки... для женщины.

– Но я же скульптор и гончар по профессии. Какую форму вы бы хотели?

– В смысле?

– В смысле, какую форму вы бы хотели придать вашему изделию: цилиндр, горшок, чаша?

– Давайте... горшок...

Круг вращается, вода сочится по податливой синеватой поверхности глины, которая под нашими руками почти мгновенно меняет форму: конус обретает округлости и узкое горло, руки Станислава поддаются движениям моих рук. Прядка волос падает ему на глаза, но он не может откинуть ее. Еще несколько вращений, и горшочек готов. Подаю Станиславу стек:

– Нанесите узор, потом обожжем ваш горшочек, и через пару дней получите его.

– Спасибо. Вы отлично работаете.

– Стараюсь, – скромно говорю я. – Вымойте руки.

Включаю кран и подаю ему полотенце. Тем временем экскурсия возвращается, Марина произносит прощальную речь во славу гончаров и гончарного искусства, желающие отправляются выбирать покупки, белобрысый брат Станислава с горшочком, который он аккуратно держит на ладони, ожидая, когда тот подсохнет, подходит к нам.

– Стас, прикольно здесь, да? Ты тоже слепил? Классно!

– Да, классно, – подтверждает Станислав и смотрит на меня. – Кстати, познакомься, это наша соседка, Дина...

– Просто Дина, – отвечаю я.

– Соседка? Правда? Прикольно... А меня зовут Влад.

– Владислав, – улыбаясь, поясняет старший брат. – Поздний ребенок. Пойдем, Влад, мы еще собирались с тобой в бильярдную.

– Давай свой горшок, – говорю я. – Сделаем обжиг, он будет красивым и водонепроницаемым.

– Правда? – восхищается Влад и отдает горшочек.

Мы прощаемся, Станислав жмет мне руку, как старому приятелю:

– Значит, сегодня вечером?

– Что сегодня вечером? – изумленно спрашиваю я.

– Зайду по поводу обожженных горшков.

– Почему сегодня?

– Ну... чтобы узнать.

– Хорошо, сегодня, так сегодня, – зачем-то соглашаюсь я.

* * *

Мне снится Стас... он, который лежит рядом, снится упорно и нахально. Жарко и хочется пить. Открываю глаза и тотчас зажмуриваюсь – солнечные лучи льются из приоткрытого окна, за которым Жизнерадостно распевают неведомые птицы. Стас прижимает

меня к себе, как будто можно прижать еще теснее, лежа на столь узкой кровати, и шепчет в волосы:

– Доброе утро рыжим...

– Доброе утро поэтам, – отвечаю я.

– Злато заревом искрится, загораясь золотисто – звуков солнечных монисто в волосах, звеня, струится... – шепчет он, щекоча мне ухо губами, а чувства словами. – Как спалось?

– А ты не знаешь?

Он хмыкает и приступает к активно-ленивым действиям, от которых я мгновенно слабею и телом и духом.

Мы не услышали, как раскрылась дверь, и возмущенное «Что здесь происходит? Это что же вы себе позволяете в моем доме?» настигает нас неожиданно и резко. В животе спиралию заструился холодок, словно при падении с высоты. Стас дергается, оборачивается, и я вижу хозяйку дома, полнотелую громкоголосую даму средних лет, а поодаль, у дверей, женщину с чемоданом и маленькую девочку, которая испуганно смотрит на нас. Хозяйка раздражается пылкой речью по поводу моего непристойного поведения и нравов молодежи вообще, а я смотрю на девочку и думаю, почему мать не выведет ее из комнаты.

– Позвольте, мадам... – обрывает хозяйку Стас, – Может быть, вы выйдите, а потом мы спокойно обсудим создавшееся положение?

– Я тебе не мадам, ты, развратный наглец! Я сейчас вызову милицию!

– В таком случае, лучше уж полицию нравов, – парирует Стас, а я желаю провалиться, исчезнуть, улетучиться.

«Полиция нравов» вызывает у прежде вполне доброжелательной хозяйки новый взрыв возмущения оскорблением, нанесенным добродетели и святости ее дома.

– Стас, – шепчу я, – не спорь... не надо, прошу тебя...

– Да выйдите же вы из комнаты, в конце концов! – взрывается он.

Женщина с девочкой исчезают за дверью, хозяйка, бросив в мою сторону: «чтоб ноги твоей в моем доме не было», выходит, хлопнув дверью.

Вот так все и закончилось, почти так же как и началось: неожиданно и быстро, оборвавшись на недопетой, недотянутой ноте. Мы слишком увлеклись, презрев реальный мир, и он жестоко отплатил за невнимание к себе, больно ударив оземь.

* * *

«Позднее зажигание, – крутятся в голове слова, уже добрых пять минут, как крутятся. – Позднее зажигание».

Двери за экскурсантами закрылись, в мастерской наступает тишина, а я почему-то слышу стук своего сердца. Снова бухает дверь, это возвращается Марина, бежит в цех обжига, где сейчас орудует Андрей.

– Отработали, Дина Николаевна? – улыбается мне на ходу.

Бросаю ответную улыбку и согласно киваю, думая о своем. Позднее зажигание – это внезапное волнение, прилетевшее невесть откуда, когда я вдруг подумала, что несколько минут назад практически обнимала Станислава. Но таким же образом, здесь, за гончарным кругом, я обняла уже не один десяток мужчин, с чего это вдруг накатило нездоровое возбуждение? Проснулись и взыграли гормоны? С какой стати этот тип будоражит мое воображение? Может быть, из-за ощущения некой опасности, связанной с его похожестью на того парня из банка? Странного совпадения имён? Череды наших случайных, ничем не объяснимых встреч? Его молодости? Потянуло на молодых мужиков? Так сказать, седина в бороду... то есть... куда?

Обуреваемая этими тяжкими думами, выбираюсь со своего рабочего места, выставляю на стеллаж для сушки результаты сегодняшней деятельности: высокие конусовидные чашки и

два цилиндрической формы чайника с короткими лукавыми носиками, которые мне ужасно нравятся. А еще мне, черт побери, нравятся глаза Станислава: кажется, они серые, и он очень симпатично щурит их. Но зачем они мне нравятся?

«Он старше Николы всего на восемь лет, – напоминаю себе. – И возможно, явится сегодня вечером».

Стащив фартук, мою руки, передеваюсь и решаю отправиться к отцу.

Папа как всегда встречает вопросом, обедала ли я, и тут же, не дожидаясь ответа и нещадно хромя, тащит меня на кухню.

– Сварил изумительный луковый суп, по рецепту... – родитель насаживает на переносицу очки, открывает толстую потрепанную кулинарную книгу и начинает зачитывать рецепт.

Мой отец – творец по натуре, художник в душе, фотограф в миру. Преданный приверженец фотокамеры прошлого столетия «Зенит», проявителя и закрепителя, и ярый противник цифровой аппаратуры и фотошопа. К счастью, несмотря на природные упрямство и сарказм, из которых проистекают его принципы и неприятие реалий, он не обделен здоровой иронией и почти детской способностью увлекаться всем и вся. На данном этапе своей жизни он увлечен кулинарией.

– Папа, как твоя нога? Нужно сходить в аптеку? – спрашиваю как примерная заботливая дочь.

Отец машет рукой.

– Не суетись, дочь... Милейшая Анна Павловна все уже закупила и лечит меня со всем пылом сестры милосердия.

Ну да, Анна Павловна, милейшая подруга моего папы, с которой он мирится и ссорится в течение последних трех лет.

– Помирились? – спрашиваю я, памятуя, что в последнее время они находились в долгой ссоре, и я уже начинала переживать, что они так и не договорятся.

– А мы и не ссорились, – невинным басом отвечает отец, расставляя на столе тарелки.

Мы едим луковый, на самом деле, вкусный суп, я рассказываю отцу про свои вчерашние приключения, упуская некоторые детали.

– Дина, – говорит отец, – бурно же ты отметила свой день рождения, но ты уж как-то поаккуратней... пожалуйста.

Переживает. Мне хорошо и покойно с отцом, мы долго болтаем, уезжаю домой, когда на улице уже сгущаются осенние сумерки.

* * *

Что-то оборвалось, резко и безнадежно, словно нас вырвали из карнавала, в котором мы бездумно существовали все эти дни. Во всяком случае, так произошло со мной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.